

Т.К. АГУЗАРОВ*

**ОХРАНА ВЛАСТИ ПО
НЕКОДИФИЦИРОВАННОМУ
РЕВОЛЮЦИОННОМУ УГОЛОВНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ**

Ключевые слова: власть, законодательство Временного правительства, диктатура пролетариата, неcodифицированное советское законодательство, контрреволюционные преступления

В современной литературе законодательству, принятому после свержения царизма и установления власти буржуазии (февраль 1917 г.), практически не уделяется внимания¹. Образующийся в связи с этим исторический и правовой вакуум, во-первых, исключает возможность сравнения буржуазной и советской уголовной политики и принятого в соответствии с ее идеологией законодательства об охране власти.

Во-вторых, это ведет к искажению истории развития российского уголовного права вообще и нормативных правовых актов об ответственности за посягательство на власть и ее представителей в частности. При таком подходе «выпадает» пусть и короткий, но своеобразный исторический

© Агузаров Т.К., 2012

* Кандидат юридических наук, председатель Верховного Суда Республики Северная Осетия – Алания. [sprcourt@osetia.ru]

¹ См.: например: Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006 (в нем содержится достаточно обстоятельный материал об истории развития уголовного законодательства, после анализа Уголовного уложения 1903 г. сразу дается описание уголовного законодательства советского периода).

период, характеризующийся, с одной стороны, сохранением предыдущего законодательства, с другой – принятием законов буржуазной революционной властью. Временное правительство основывалось на преемственности права. Как впоследствии писали советские юристы, «сохранение и соблюдение незыблемости старых законов вплоть до осуществления отдаленнейшей перспективы – принятия новых законов Учредительным собранием – такова была политическая и “теоретическая” платформа Временного правительства в области законов Российской империи. На этой “платформе” в полном согласии сходились кадеты, эсеры, меньшевики, входившие в различные периоды во Временное правительство. Ни о какой ломке старого права, уничтожении старых законов и замене их новыми не было и речи»².

В ряде актов Временным правительством правовая преемственность оговаривалась специально. В области уголовного законодательства предполагалось отменить лишь те нормы, которые, являясь наслоениями на судебные уставы 1864 г., извратили их сущность. По сути, провозглашался возврат к указанным актам. 23 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление «Об образовании Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве и об учреждении Временного высшего дисциплинарного суда»³.

Исходя из этого, в журналах «Право», «Юридическом вестнике» и других правовых изданиях обосновывалась целесообразность старого законодательства. Так, Б. Кистяковский писал: «Непрерывность правового

² Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. М., 1947. С. 15.

³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1917. № 77. Ст. 438.

Это постановление воспринимается политической программой Временного правительства в области законодательства, в том числе его теоретической платформой. В частности, в нем говорится: «Падение старого государственного строя, явившегося пережитком прошлых времен, могло произойти с такой легкостью, среди такого всеобщего ликования и при таких единодушных выражениях народного гнева и ненависти к прошлой власти и ее агентам, лишь благодаря тому, что прежний порядок пришел в полную ветхость и негодность... Судебные Уставы 1864 г., являвшиеся в своем первоначальном виде прекрасным образцом весьма совершенного для своего времени судебного устройства, были значительно испорчены позднейшими узаконениями, подорвавшими начало правильного судоустройства – гласности, независимости судей и участия в суде общественного элемента. Судебная же практика в деле уклонения от этих начал пошла еще далее: независимость судей стала пустым звуком, гласность исчезла из суда по первому желанию администрации, наиболее важные дела – о государственных и должностных преступлениях, о проступках печати – были изъяты из ведения суда присяжных заседателей. Исключительный военный суд стал обычным явлением...».

порядка, которая до сих пор соблюдалась, должна охраняться и в будущем»⁴.

А.Ф. Кони, наоборот, отмечал неполноту уголовного законодательства, его существенное отставание от жизни, однако при этом также предлагал умеренный вариант его обновления, в частности, считал необходимым совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за спекуляцию, незаконную продажу спиртных напитков, половые преступления против несовершеннолетних⁵.

Помимо комиссии по пересмотру судебных уставов, в это время работала комиссия по пересмотру и введению в действие Уголовного уложения 1903 г.⁶ Комиссия рекомендовала отменить ст. 103–107 Уложения, предусматривавшие ответственность за различные виды оскорбления царя и членов его семьи. Статьи о государственной измене предлагалось оставить в прежней редакции, так как «теперь, во время войны, неудобно изменять законы о государственной измене, ибо это внесло бы расстройство в работу военных судов в действующей армии»⁷.

Комиссия разработала законопроект, предусматривавший ответственность виновного «в публичном призыве или в призыве распространенных или публично выставленных произведениях печати, письме или изображениях: 1) к учинению тяжкого преступления, 2) к учинению насильственных действий одной части населения против другой, 3) к неповиновению или противодействию закону или обязательному постановлению или законному распоряжению власти». Наказание дифференцировалось в зависимости от обстоятельств времени совершения преступления: в мирное время каралось заключением в исправительном доме сроком не свыше трех лет, в военное время – срочной каторгой⁸.

⁴ Кистяковский Б. Непрерывность правового порядка // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII. С. 10.

⁵ См.: Кони А.Ф. Ближайшие задачи уголовного законодательства // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2–3. С. 53.

⁶ В ее состав входило четыре подкомиссии: 1) по пересмотру Общей части уголовного уложения; 2) по рассмотрению вопросов о религиозных преступлениях; 3) по рассмотрению вопросов о государственных преступлениях; 4) по рассмотрению вопросов о преступлениях печати.

Следует заметить, что эта комиссия была образована еще 19 января 1917 г. Николаем II, возглавил ее сенатор профессор Трегубов. Он продолжал руководить комиссией и после Февральской революции.

⁷ Право. 1917. № 12. С. 716.

⁸ Право. 1917. № 12. С. 1102.

Необходимо отметить, что закон подвергся критике оппонентами буржуазных революционеров. Так, И.В. Сталин писал: «...Ярче всех отразил новый курс внутренней политики Временного правительства министр Переверзев (“тоже” социалист!). Он требует ни более, ни менее, как «срочного введения закона о преступлениях против государственного спокойствия»... Каторжное законодательст-

3 марта 1917 г. приказом А.Ф. Керенского вначале в Петрограде, а затем и в других местностях были образованы временные суды, цель деятельности которых состояла в том, чтобы «быстро устранить печальные недоразумения, возникающие между солдатами, населением и рабочими». Согласно § 2 Инструкции для временных судов от 22 марта 1917 г. к их подсудности, помимо иных преступлений, относились «посягательства против нового порядка, если они совершены не ранее 27-го февраля с.г. частными лицами, в том числе и военными чинами вне службы».

Если в первые дни отношение прессы к временным судам было чувственным, то в последующем оно резко изменилось⁹. Эти суды просуществовали недолго и вскоре были упразднены.

Временное правительство отменило некоторые уголовные законы, сущность которых не соответствовала новым политическим реалиям и организации государственной власти, 6 марта 1917 г. издало указ об амнистии. Как говорилось в самом указе, общая политическая амнистия была объявлена «во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической справедливости и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе»¹⁰.

Между тем в литературе указывается, что массовое освобождение заключенных осуществлялось и до издания Указа об амнистии рабочими и солдатами; последний, по сути, пытался это движение ввести в определенное русло, придать ему законную форму¹¹.

во этого, с позволения сказать, “социалистического” министра. Очевидно, что Временное правительство неуклонно катится в объятия контрреволюции» (см.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 3. С. 85–86).

⁹ См. подробнее: *Исаев М.М.* Уголовное право РСФСР. М., 1925. С. 56.

Так, Равич писал: «Суд, не связанный с законом, – не суд. И в лучшем случае его можно назвать расправой» (см.: *Равич.* Временные суды // *Право.* 1917. № 17. С. 972). Председатель съезда мировых судей В. Меншуткин указывал: «...Невозможно, даже только при близко подходящих к нормальным условиям жизни, предоставлять суду право самому определять, составляет ли действие обвиняемого преступное деяние, не руководствуясь уголовным кодексом, нельзя давать такой широты простор в выборе наказаний и лишать стороны права обжалования приговоров; но, если ввести судопроизводство во временных судах в обычные рамки мирового разбирательства, то, на основании пятидесятилетнего опыта, можно заключить, что мировой судья, избранный всем населением, с успехом справится с порученным ему делом и единолично...» (см.: *Меншуткин В.* Временные суды в Петрограде // *Журнал Министерства юстиции.* 1917. № 4. С. 190).

¹⁰ См. подробнее: *Люблинский П.И.* Мартовская амнистия // *Журнал Министерства юстиции.* 1917. № 4. С. 4.

¹¹ См.: *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 28.

По подсчетам П.И. Люблинского, по указу от 6 марта 1917 г. и другим последовавшим за ним актам было освобождено 4/5 всех содержавшихся в местах

Кроме общей политической амнистии, была объявлена воинская амнистия (14 марта 1917 г.), принято постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления» (17 марта 1917 г.)¹². Под амнистию в том числе попадали лица, осужденные за преступления против власти: бунт против верховной власти, преступления против священной особы императора и членов императорского дома, участие в скопище, сообществе против государства и его органов, дерзостное неуважение к верховной власти, распространение среди войска учений, призывающих к нарушению воинской службы, самозванство – выдача себя за императора или члена царского дома, противоправительственная агитация (если она не являлась изменническим действием) и др.¹³

В марте – июне 1917 г. Временное правительство предприняло ряд шагов по изменению норм, предусматривающих ответственность за деяния, посягающие на власть. В частности, постановлением от 17 марта 1917 г. дана новая формулировка ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривавшая ответственность за неисполнение распоряжений власти¹⁴; 13 мая 1917 г. – новая редакция ст. 42 Устава. Кроме того, была предусмотрена уголовная ответственность за «участие в публичном скопище»¹⁵.

Временным правительством были изданы и другие акты, изменявшие или отменявшие отдельные нормы Особенной части уголовного законодательства. «В целом же уголовно-правовые акты... в ...период – март–июнь 1917 г. – характеризуются главным образом отменой некоторых царских законов, пришедших в явное противоречие с условиями “мирного периода Февральской революции”. Каких-то крупных реформ в области уголовного права Временное правительство не провело и не собиралось предпринимать. “Непрерывность правопорядка”, о которой писали... ученые во время Февральской революции, нашла свое прямое воплощение в законодательной деятельности Временного правительства»¹⁶.

лишения заключенных (см.: *Люблинский П.И.* Амнистия // *Право.* 1917. № 17. С. 875).

¹² См. подробнее: *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 29.

¹³ Характеристику указанных преступлений см.: *Агузаров Т.К., Чучаев А.И.* Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.): исторические очерки. М., 2011.

¹⁴ *Право.* 1917. № 18. С. 674.

¹⁵ См. подробнее: *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 33.

В последующем, особенно после июльских событий 1917 г.¹⁷, был принят ряд актов, направленных на репрессии в отношении лиц, посягающих на власть Временного правительства. 6 (19) июля 1917 г. премьер-министр Г.Е. Львов подписал постановление, согласно которому всех «участвовавших в организации и руководстве вооруженным восстанием против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему» надлежало арестовать и «привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и предательстве».

6 (19) июля Временное правительство издало приказ об аресте В.И. Ленина. 10 (23) июля 1917 г. премьер-министр А.Ф. Керенский дал указания товарищу (заместителю) министра юстиции о необходимости «особой твердости в ведении следствия» по указанным делам¹⁸.

Объявив преступным всякое действие против Временного правительства, последнее в последующих постановлениях принимает жесткие меры против печати и революционных агитаторов как действовавших против власти. В частности, в постановлении о печати от 12 (25) июля 1917 г. говорилось: «Предоставить, в виде временной меры, Военному Министру и Управляющему Министерством Внутренних Дел закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и к гражданской войне, с одновременным привлечением ответственных редакторов к судебной ответственности в установленном порядке»¹⁹.

¹⁷ Июльский политический кризис – третий (после апрельского и июньского кризисов 1917 г.) в России в период от Февральской буржуазно-демократической революции до Октябрьской социалистической революции. Поводом явились события конца июня – начала июля: неудачное наступление на фронте, расформирование революционных воинских частей. 2 (15) июля из Временного правительства вышли кадеты, угрожая меньшевикам и эсерам разорвать правительственную коалицию. Возник правительственный кризис. Политическое положение в стране обострилось. 4 (17) июля состоялась демонстрация рабочих, солдат и матросов Балтийского флота под лозунгом «Вся власть Советам!», которых приветствовал В.И. Ленин. Военные власти направили против демонстрантов войска. Правительственный кризис был усугублен отставкой премьер-министра Г.Е. Львова. Премьер-министром 8 (21) июля стал А.Ф. Керенский (см.: Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис С. М., 1959; *Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 г. М.; Л., 1964; и др.).

¹⁸ См.: *Право*. 1917. № 27–28. С. 1099.

¹⁹ *Собрание узаконений и распоряжений Правительства*. 1917. № 81. Ст. 1148.

14 июля 1917 г. вводится предварительная военная цензура в отношении публикации сведений о военных действиях, а 26 июля 1917 г. постановлением «О специальной военной цензуре печати» устанавливается наказание за нарушение соответствующих правил.

Определенный интерес представляет так называемое дело Л.Г. Корнилова и его оценка юридической общественностью. Временное правительство объявило Верховного главнокомандующего изменником Родины (его действия специально созданная комиссия квалифицировала как восстание) и арестовало. 21 сентября 1917 г. указанное дело стало предметом обсуждения на совместном заседании Московского юридического общества и Всероссийского союза юристов. По его результатам была принята резолюция, согласно которой:

1) дело Корнилова не относится к подсудности военно-революционного суда, так как ст. 1 разд. II постановления о военно-революционном суде к его компетенции относит лишь дела о преступлениях, не требующих предварительного расследования в силу очевидности совершенного деяния. Указанное дело не может быть признано таковым. В разных актах деяние квалифицируется по-разному: как мятеж и как восстание. Сам факт создания специальной комиссии указывает на необходимость расследования дела, что уже само по себе говорит о его неподсудности военно-революционному суду;

2) если деяние Корнилова квалифицировать по ст. 110 Воинского устава о наказаниях, то тогда дело должно рассматриваться в военном окружном суде с участием присяжных заседателей;

3) если же содеянное квалифицировать по ст. 99 и 100 Уголовного уложения и учесть, что в совершении инкриминируемого деяния участвовали гражданские лица («лица гражданского ведомства»), то тогда дело подсудно гражданскому суду с участием присяжных заседателей²⁰.

После июльского кризиса уголовное законодательство Временного правительства об ответственности за преступления против власти характеризуется двумя моментами. Во-первых, криминализируются новые виды деяний, признаваемых преступными; во-вторых, встречаются нормы, свидетельствующие о частичной либерализации уголовной политики. Сказанное можно проиллюстрировать, например, изданными 1 и 2 августа 1917 г. постановлениями Временного правительства соответственно «Об институте досрочного освобождения» и «О принятии мер против лиц, угрожающих обороне государства, его внутренней безопасности и завоеванной революцией свободой»²¹.

11 сентября 1917 г. принято Положение о выборах в Учредительное собрание, которое в гл. IX «Об ограждении свободы и правильности выборов» содержало 18 статей о преступлениях против власти, нарушающих, по

²⁰ См. подробнее: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 42.

²¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1917. № 94. Ст. 1326–1327.

мнению Временного правительства, законодательство о выборах²². К ним, в частности, относились: самовольное снятие, уничтожение, закрытие или изменение публично выставленных воззваний, оповещений или избирательных списков; самовольное вторжение в помещение для предвыборной агитации, уничтожение или повреждение литературы для предвыборной агитации, угрозы и насилие в отношении лиц, действующих от организации избирателей; попытка воспрепятствовать предвыборным собраниям, работе избирательных комиссий путем насилия, угроз и тому подобных действий; воспрепятствование свободному осуществлению избирательного права путем угрозы, обмана, злоупотребления властью или использования экономической зависимости и др. За их совершение предусматривалось наказание в виде ареста, заключения в исправительном доме, тюремного заключения и даже каторги.

Широкое применение Временным правительством «исключительных мер» было признано им «не только нежелательным, но и опасным». В связи с этим оно предусмотрело следующие мероприятия:

1) запрещение производить задержание, ограничение в праве свободного избрания места жительства и пользования свободой слова в случаях, не предусмотренных законом (в советской литературе отмечается, что «это запрещение явилось прямым издевательством, так как после 3–5 июля систематически производились массовые незаконные аресты, закрытие революционных газет и тому подобные меры»²³);

2) отмена положения об охране государственного порядка и общественного спокойствия и о полицейском надзоре, а также правил о чрезвычайной охране на железных дорогах (в советской литературе указывается, что «...на практике все эти чрезвычайные меры по-прежнему осуществлялись в широких масштабах, и 19 сентября Временное правительство предоставило министру внутренних дел право подчинять надзору милиции определенный круг административно высланных лиц»²⁴);

3) сузить действие правил о местностях, объявленных на военном положении;

4) переданные на рассмотрение военных судов дела на основании отмененных исключительных положений «вернуть к гражданской подсудности»;

5) для рассмотрения дел об арестованных во внесудебном порядке создать комиссии, которым предоставить право: а) продления лишения свободы на срок не свыше трех месяцев; б) производства обыска и выемки; в) освобождения задержанного.

²² См.: Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 136–184.

²³ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 46.

²⁴ Там же.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: уголовное законодательство Временного правительства вообще и об ответственности за преступления против власти отражает исторический момент: пришедшая путем революции к власти буржуазия стремится ее удержать, в том числе и применением репрессий к политическим оппонентам. Другими словами, оно, по сути, в целом ничем не отличалось от законодательства других стран, переживших революцию. Кроме того, уголовное законодательство было достаточно противоречивым и непоследовательным, что явилось следствием непоследовательной, а временами, вероятно, популистской уголовной политики Временного правительства. С одной стороны, принимались суровые законы, направленные на борьбу с посягательствами против власти, с другой стороны, декларировались гуманистические идеи, внедрялись демократические нормы.

В отличие от Временного правительства, советская власть стояла на диаметрально противоположной позиции: вместо преемственности законодательства она проповедовала полную отмену буржуазных законов и строительство нового, советского права вообще и уголовного права в частности²⁵.

«Советское уголовное право возникло на развалинах буржуазного права. Оно сразу выявило свое принципиальное, качественное отличие от буржуазного уголовного права. Ни о какой “рецепции” буржуазного права, ни о какой преемственности права, правовой идеологии не могло быть и речи. Уголовное право, созданное советской властью, возникло и развивалось как качественно отличное, новое уголовное право, советское социалистическое уголовное право»²⁶. Сохранение на некоторое время прежнего законодательства обуславливалось утилитарными соображениями – необходимостью осуществлять правосудие. Но и в этом случае законы царского правительства применялись «постольку, поскольку таковые не отменены

²⁵ В конце 1917 г. руководство Наркомата юстиции предприняло попытку разработать Советское уголовное уложение, взяв за основу Уголовное уложение 1903 г. Составленная левыми же эсерами Инструкция местным и окружным народным судам о применении уголовных законов, как указывается в советской литературе, противоречила самому духу советского законодательства, указаниям партии и высказываниям В.И. Ленина о революционном правотворчестве, сущности и задачах советских декретов ноября 1917 – июня 1918 г. В предисловии к Инструкции говорилось, что она избавляет судей от необходимости уяснять в каждом отдельном случае, отменен или не отменен тот или иной закон революцией. В основу Инструкции было положено Уголовное уложение 1903 г., число его статей было сокращено до 378. В Инструкции были инкорпорированы и некоторые декреты советской власти. Затея оказалась нежизненной: данную Инструкцию суд не применял (см. подробнее: *Исаев М.М. Уголовное право РСФСР. М., 1925*).

²⁶ *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 54.

революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»²⁷.

Первые годы советской власти характеризуются усилением классовой борьбы, а отсюда – и соответствующей уголовной политикой: подавления уголовно-правовыми средствами сопротивления свергнутых классов.

Б.С. Ошерович пишет: «Контрреволюционное сопротивление... на различных этапах революции принимает различные формы. Непосредственно после... революции русская буржуазия пыталась вооруженной рукой расправиться с революцией... Потерпев в этом неудачу, буржуазия широко организовала саботаж верхушек чиновничества и служащих с целью дезорганизации государственного аппарата новой власти... Организуются контрреволюционные заговоры и проводятся террористические акты против активных работников и руководителей Коммунистической партии... Со второй половины 1919 г. до второй половины 1920 г. основой контрреволюционной деятельности является гражданская война, имевшая своей целью свержение советской власти и восстановление господства помещиков и капиталистов»²⁸.

Эти и другие подобного рода утверждения базировались на теоретической концепции В.И. Ленина о классовой борьбе в эпоху пролетарской диктатуры, выделявшего пять форм указанной борьбы и соответственно пять задач пролетариата²⁹:

1) подавление сопротивления эксплуататоров. Последние отчаянно борются за то, чтобы вернуть свое господство. Это порождает новые формы сопротивления – заговоры, саботаж, воздействие на мелкую буржуазию и т.д.;

2) гражданская война, к тому же, она неизбежно перерастает в борьбу против интервенции иностранных государств;

3) «нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства. Под «нейтрализацией» понималось прекращение колебаний мелкой буржуазии вообще, а крестьянства в особенности в сторону буржуазии. Государственное руководство мелкой буржуазией, особенно крестьянством, обеспечивается диктатурой пролетариата;

4) «использование» буржуазии, т.е. выработка и проведение определенной политики в отношении буржуазных специалистов, обусловленные отсутствием кадров, обладающих необходимым опытом и знаниями для управления и руководства хозяйством;

²⁷ Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. (ст. 5) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4.

²⁸ Уголовное право. Особенная часть: Государственные преступления. М., 1938. С. 6–7.

²⁹ См.: Ленин В.И. О диктатуре пролетариата // Полное собрание сочинений. Т. 39.

5) воспитание новой дисциплины. Оно отражало борьбу с силами старого мира.

Таким образом, государственная власть в период диктатуры пролетариата рассматривалась в качестве орудия пролетариата в классовой борьбе, которую В.И. Ленин характеризовал как упорную, кровавую и бескровную, насильственную и мирную, военную и хозяйственную, педагогическую и административную.

Уголовное законодательство также базировалось на указанных теоретических установках. В этом нетрудно убедиться, обратившись к конкретным нормативным правовым актам первых лет советской власти.

Законодательство того времени достаточно часто оперирует понятием контрреволюционного преступления (его определение впервые было сформулировано в УК РСФСР 1922 г.), уже начиная с первых актов: «Обращение к населению о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах» председателя СНК от 5 ноября 1917 г.³⁰; обращение СНК от 26 ноября «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой»³¹; обращение СНК от 30 ноября 1917 г. «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией»³²; обращение наркома по продовольствию от 5 декабря 1917 г. «О саботаже чиновников Министерства продовольствия»³³ и др.

Ряд декретов 1917–1918 гг. предусматривают ответственность за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Так, по постановлению НКЮ от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» к ведению указанного трибунала относились «преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати», т.е. сообщения ложных или извращенных сведений об общественной жизни, «поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа»³⁴.

Особый способ контрреволюционной агитации был криминализован в Постановлении СНК от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне»³⁵. Согласно этому постановлению преступным признавался созыв населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и тому подоб-

³⁰ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 11–12.

³¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4.

³² Там же.

³³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 5.

³⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 10.

³⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 57.

ными способами, совершенный с контрреволюционными целями. «Соучастники, пособники, подстрекатели (как то: призывающие устно, письменно или печатно к пользованию означенным... способом возбуждения тревоги и т.п.) и вообще прикосновенные лица отвечают перед Революционным трибуналом наравне с главными виновниками». Покушение на совершение данного преступления наказывалось как оконченное преступление.

Согласно инструкции НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний»³⁶ к подсудности данного трибунала относились дела о лицах, которые: 1) организуют восстание против власти рабоче-крестьянского правительства, активно противодействуют последнему, не подчиняются ему, призывают других лиц к противодействию или неподчинению; 2) пользуются своим положением по государственной или общественной службе, чтобы «нарушить или затруднить правильный ход работ в учреждении или предприятии, в котором они состоят или состояли на службе (саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества и т.п.)»; 3) прекращают или сокращают производство предметов массового потребления без действительной к тому необходимости; 4) путем скупки, сокрытия, порчи, уничтожения предметов массового потребления или иными способами стремятся вызвать их недостаток на рынке или повышение цен на них; 5) нарушают декреты, приказы, обязательные постановления и другие опубликованные распоряжения органов Рабоче-крестьянского правительства, если в них предусмотрено предание за нарушение их суду революционного трибунала; 6) пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляют властью, предоставленной революционным народом.

Декларация трудового и эксплуатируемого народа от 3 января 1918 г.³⁷ провозгласила, что вся власть в Российской Федерации принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому кажется логичным объявление преступным всякой попытки «со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти». Подобные действия признавались контрреволюционными, любую подобного рода попытку предполагалось подавлять «всеми имеющимися в распоряжении советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы»³⁸.

³⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 12.

³⁷ Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 321.

³⁸ Постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 14.

По сути, впервые подробное описание ряда контрреволюционных преступлений дается в постановлении Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов»³⁹. Как можно понять из этого постановления, в нем были обобщены прежние акты и на их основе выработаны дефиниции соответствующих деяний, в частности, таких посягательств против власти, как контрреволюционная деятельность, саботаж, дискредитирование власти, шпионаж и хулиганство⁴⁰.

Так, контрреволюционная деятельность охватывала следующие действия:

1) организация контрреволюционного выступления против Рабоче-крестьянского правительства, непосредственное участие в них или при их подготовке;

2) участие во всевозможных контрреволюционных заговорах и организациях, ставивших своей целью свержение советского правительства, несмотря на то, что в результате деятельности не было контрреволюционного выступления;

3) непосредственное участие в выступлениях, независимо от того, что заранее об этом не был уведомлен и не состоял членом какой-либо организации, готовившей такое выступление.

Кроме этого, Кассационный отдел ВЦИК предложил признавать контрреволюционными «всякие выступления, независимо от поводов, по которым они возникли, против Советов, или их исполнительных комитетов или отдельных советских учреждений, как то: продовольственных, административных и иных, если они сопровождалась разгромами или иными насильственными действиями или хотя бы угрозами таковых по отношению к деятельности или деятелям этих органов».

В постановлении прямо оговаривалось: если указанные деяния сопровождалась набатным звоном, то лица, совершившие данное деяние, признавались участниками контрреволюционного выступления, причем покушение расценивалось как оконченное преступление.

В нормативных актах не приводится разграничения между контрреволюционным восстанием, с одной стороны, массовыми беспорядками и бандитизмом – с другой. В связи с этим А.А. Герцензон писал: «Такое разграничение в тот период и не могло быть дано. Восстания с контрреволюционной целью, массовые беспорядки и бандитизм в период гражданской войны настолько тесно переплетались между собой, что вообще не представлялось возможным провести между ними какую-либо грань, и в том не было никакой необходимости. Участник массовых беспорядков, так же, как и участник бандитской шайки, нередко являлся таким же заклятым

³⁹ Известия. 1918. 6 окт.

⁴⁰ Постановление также содержало описание подлога, преступлений по должности и спекуляции.

врагом народа, как и участник контрреволюционного восстания и мятежа»⁴¹.

Понять ситуацию, складывавшуюся в первые годы советской власти, вероятно, можно, однако теоретически оправдывать этим отнесение общеуголовных преступлений к контрреволюционным вряд ли допустимо. В данном случае виновный нес ответственность за деяние, которое не совершал, подвергался карательному воздействию, обусловленному признанием преступления контрреволюционным.

К саботажу относились:

1) противодействие рабоче-крестьянскому правительству, призывы противодействовать ему путем неисполнения декретов и иных постановлений местной или центральной советской власти;

2) игнорирование таких постановлений, затруднение своими действиями правильного хода работ в правительственных или общественных учреждениях, призыв к саботажу или организация саботажа.

Например, судьи Московского окружного суда приняли резолюцию о непризнании советской власти и о саботаже ее мероприятий. В ней, в частности, говорилось: «Протестуя против возмутительного погрома, совершенного в здании Судебных установлений, Московский окружной суд, как оплот законности и правопорядка и как охрана государственных и частных интересов, считает своим долгом, невзирая на происходящую внутри страны смуту, продолжать свою государственную работу, руководствуясь и впредь лишь законодательными нормами, обнародованными лишь правительствующим сенатом в установленном порядке, и законными решениями правомочной центральной власти, и посему только вследствие произведенного погрома, препятствующего немедленно приступить к занятиям, Московский окружной суд в общем собрании, согласно заключению прокурора суда, ...постановил временно, впредь до приведения в порядок всего делопроизводства, приостановить занятия в здании суда...»⁴².

⁴¹ Герцензон А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства // Советская юстиция. 1938. № 1. С. 31.

⁴² Русские ведомости. 1917. № 248. С. 19.

Комментируя указанную резолюцию, авторы отмечали: «Эта “декларация” по своему стилю очень напоминала аналогичные декларации, которые судебные деятели опубликовывали в феврале – марте 1917 г. Но тогда они “приветствовали” новую “законность” Временного правительства как основанную на непрерывности и преемственности правопорядка. Буржуазные судебные деятели чувствовали своим классовым чутьем, что Временное правительство будет стоять на страже старой законности, что оно не посягнет на “устой” этой законности – на Судебные уставы, Уложение о наказаниях и Уголовное уложение. Своим классовым чутьем судебные деятели Временного правительства чувствовали, что Октябрь принес с собой полное уничтожение буржуазного правопорядка и законности. Этим и объясняется тот единый антисоветский фронт, которым они встретили советские за-

В постановлении рассматриваемое деяние отграничивалось от так называемого простого неисполнения или неподчинения постановлениям местных властей – исполнительных комитетов, Советов или их отделов, местных комиссий труда, военного, податного, здравоохранения, продовольственных и др., а также постановлений профсоюзов, фабрично-заводских комитетов или подобных им рабочих организаций, за нарушение которых в качестве меры взыскания предусмотрен штраф, налагаемый в административном порядке.

По мнению А.А. Герцензона, впервые саботаж упоминается в обращении СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира»⁴³, в котором говорилось о сопротивлении буржуазии и контрреволюции мероприятиям советской власти⁴⁴.

На самом деле саботаж упоминается и раньше. Например, в обращении Наркома по Министерству почт и телеграфов от 9 ноября 1917 г. «О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников»⁴⁵, не только само название свидетельствует об этом, но и в тексте указывается на то, что так называемые инициативные группы, в начале революции взявшие на себя управленческие функции, превратились в органы саботажа. Они саботируют не только власть, но и меры, необходимые для улучшения материального положения низших чинов.

Вместе с тем А.А. Герцензон прав, утверждая, что указанные обращения «...обрисовывают *саботаж* как специфический вид контрреволюции. ...Саботаж исторически явился первой формой контрреволюционных преступлений после победы Октября; естественно, что и первые декреты Советской власти в области уголовного законодательства были направлены на борьбу с этим видом контрреволюции. Борьба с контрреволюционным саботажем была сформулирована в общеполитической форме, в виде

коны, советское уголовное право» (см.: Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 62–63).

⁴³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 3.

⁴⁴ См.: Герцензон А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства. С. 29.

⁴⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 3.

11 апреля 1918 г. был принят декрет СНК «Об организации управления почтово-телеграфным делом», согласно п. 11 которого «в случае явного саботажа со стороны почтово-телеграфных чиновников, а равно какой-либо контрреволюционной части почтово-телеграфных чиновников местные Советы рабочих и крестьянских депутатов уполномочиваются принимать самые решительные и беспощадные меры подавления» (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 33).

призыва к трудящимся объединиться вокруг Советской власти вести непосредственную борьбу с саботажниками»⁴⁶.

Нормативные акты позволяют выделить признаки саботажа, относящиеся к деянию, субъективной стороне и субъекту преступления. Деяние характеризуется неисполнением служебных обязанностей, невыполнением декретов и приказов; субъективная сторона предполагает умышленную форму вины и специальную цель – так называемую контрреволюционную цель подрыва советской власти и завоеваний Октябрьской революции. Субъектом преступления признавался враг народа, враг народовластия, капиталисты и их прислужники. «Конечно, говорить о “составе преступления” в данном случае можно лишь относительно, но важно здесь подчеркнуть, что эти декреты советской власти в дальнейшем послужили основой для ряда обобщений законодательного порядка, а впоследствии уже были восприняты и Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1922 г.»⁴⁷.

Дискредитирование власти предполагало сообщение, распространение или разглашение явно ложных или непроверенных слухов путем печати, в публичных собраниях или публичном месте, которые могли вызывать общественную панику, посеять недовольство или недоверие к советской власти или отдельным ее представителям, умышленно или по неосторожности дискредитируя советскую власть в глазах населения.

«В такой конструктивно весьма сложной форме циркуляр кассационного отдела ВЦИК пытался обрисовать особые формы контрреволюционной агитации и пропаганды, прямо и явно не направленных против пролетарской диктатуры, но объективно способствующих подрыву мощи социалистического государства»⁴⁸.

Данное преступление следовало отличать от нареканий, клеветнических и иных измышлений, оскорблений словом, в печати или действием отдельных членов и представителей местных или центральных властей или отдельных ее представителей в том или ином советском учреждении, если оскорбления или измышления были направлены против конкретных лиц, а не учреждений в целом или его работников. Кроме того, в этом случае должны отсутствовать признаки хулиганства и цели оскорбления в лице представителя власти всего строя Советской республики.

Шпионаж характеризовался как оглашение, передача военных тайн, стратегических планов, сведений о военных силах или вооружении представителям иностранных держав или контрреволюционным организациям, сношение с ними с целью вызвать иностранное вмешательство, враждебное интересам республики.

⁴⁶ Герцензон А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства. С. 29.

⁴⁷ Там же. С. 30.

⁴⁸ Там же. С. 31.

Хулиганство в Постановлении трактовалось достаточно своеобразно; в ст. 7 говорилось: «Кто исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения советской власти или оскорбить нравственное чувство или политические убеждения окружающих учинит бесчинство» (отсюда позднее появился термин «политическое хулиганство»).

Своеобразием отличалось и примечание к данной статье. Согласно этому примечанию лица, прошлая деятельность которых, хотя бы и до утверждения власти Советов, признавалась социально вредной для революции или была прямо против нее направлена (провокаторы, охранники, осведомители, царские сановники, иные деятели старого режима) также могли предаваться суду революционного трибунала. Для этого лишь требовалось специальное постановление исполкомов, местных советов или специально уполномоченных ими органов.

По сути, данная норма, на наш взгляд, является прообразом ст. 5 УК РСФСР 1922 г., согласно которой уголовное законодательство «имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от *общественно опасных элементов* (курсив наш. – Т.А.)...»⁴⁹. А.А. Пионтковский видел в этом некоторое влияние социологической школы на становление советского уголовного права⁵⁰.

«Целый ряд декретов, изданных в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, предусматривающих ответственность за отдельные преступления, был направлен на осуществление функции обороны социалистического государства, тесно связанной тогда с функцией подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов»⁵¹. К их числу можно отнести: постановление СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре»⁵²; постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от

⁴⁹ См. подробнее: Сулейманов А.А. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика. Владимир, 2006; Чучаев А.И. Цели наказания в советском уголовном праве. М., 1989; Швеков Г.В. Первый советский Уголовный кодекс. М., 1970; и др.

⁵⁰ См.: Пионтковский А.А. Меры социальной защиты и Уголовный кодекс РСФСР // Советское право. 1923. № 3 (6). С. 42.

⁵¹ Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 44–45.

⁵² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 65.

В постановлении говорилось: «...при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; ... для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией... необходимо направить туда большее число ответственных партийных товарищей; ... необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; ... подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...».

25 декабря 1918 г. «О дезертирстве»⁵³; постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 марта 1919 г. «О мерах борьбы с дезертирством»⁵⁴; постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства»⁵⁵ и др.

Положение о революционных военных трибуналах, утвержденное декретом ВЦИК 20 ноября 1919 г.⁵⁶, содержало перечень преступлений, дела о которых были подсудны этим трибуналам. Из числа контрреволюционных посягательств в нем были названы: заговор и восстание с целью ниспровержения советского социалистического строя; измена Советской республике; шпионаж; восстание против органов Рабоче-крестьянского правительства и поставленных им властей; сопротивление проведению в жизнь требований законов республики, постановлений и распоряжений советских властей; агитация и провокация, имевшие целью вызвать совершение массами или частями войск указанных выше преступных деяний; разглашение секретных сведений и документов; распространение ложных сведений и слухов о Советской власти, войсках Красной армии и о неприятеле; похищение или уничтожение секретных планов и других секретных документов; умышленное уничтожение или повреждение железнодорожных линий, мостов и прочих сооружений, телеграфных и телефонных линий и складов казенного имущества.

Обобщив законотворческую деятельность советской власти за неполных два года, Нарком юстиции РСФСР Д.И. Курский пришел к выводу, что система Особенной части уголовного законодательства охватывала 11 групп преступлений: 1) против личности⁵⁷; 2) против рабоче-крестьянского

Принятие этого постановления было обусловлено рядом обстоятельств, в том числе, как указывается в советской литературе, связью контрреволюционной деятельности врагов народа с иностранными разведками и дипломатическими миссиями зарубежных государств. Летом 1918 г. были раскрыты и обезврежены заговор с целью ареста Совета Народных Комиссаров и свержения Советской власти, мятеж Савинкова в Ярославле. В это же время были убиты Володарский и Урицкий (см. подробнее: Курс советского уголовного права. Особенная часть. В 2 т. Т. 1. С. 99–101).

⁵³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 99.

⁵⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 9.

⁵⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 25.

⁵⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 58.

⁵⁷ Следует отметить, что во всех советских кодифицированных актах нормы о преступлениях против личности никогда не стояли на первом месте, вначале всегда указывались государственные преступления, потом посягательства на собственность, а уж затем – преступления против личности.

правительства: 3) нарушения обязанности военной службы; 4) нарушения обязанностей государственной или общественной службы; 5) нарушения постановлений, регулирующих производство; 6) нарушения порядка снабжения населения продуктами; 7) имущественные правонарушения; 8) нарушения постановлений о частной торговле и кредите; 9) нарушения постановлений о налогах; 10) нарушения постановлений о почте и транспорте; 11) нарушения постановлений об охране научных и художественных ценностей⁵⁸.

А.А. Герцензон относительно второй группы преступлений замечает: «Если попытаться суммировать уголовное законодательство периода гражданской войны, посвященное борьбе с контрреволюцией, и привести его в некоторую систему, приближающуюся к системе социалистического уголовного кодекса, то мы увидим, что уже к концу периода гражданской войны социалистическое уголовное законодательство создало, по сути дела, законченную систему норм о контрреволюционных преступлениях, а именно:

1. Контрреволюционные восстания и мятеж.
2. Присвоение функций государственной власти с контрреволюционной целью.
3. Государственная измена и шпионаж.
4. Вредительство и саботаж.
5. Диверсионный акт.
6. Контрреволюционная агитация и пропаганда.
7. Политическое хулиганство.
8. Участие в контрреволюционных организациях.
9. Активная борьба с революционным движением при царском строе»⁵⁹.

Гибельный процесс развала продовольственной базы страны советская власть пыталась остановить путем изъятия хлеба урожая 1916–1917 гг. у кулаков – «деревенской буржуазии». В соответствии с Декретом ВЦИК от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»⁶⁰ все имеющие излишек хлеба и не вывозящие его на ссыпные пункты, а также расточающие хлебные запасы на самогонку объявлялись врагами народа. Они подлежали тюремному заключению не менее чем на 10 лет, изгнанию навсегда

⁵⁸ См.: *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 24.

⁵⁹ *Герцензон А.* Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства. С. 32.

⁶⁰ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 35.

из общины, а их имущество – конфискации. Самогонщики, сверх того, наказывались принудительными общественными работами.

По декрету СНК от 4 августа 1918 г. «О заградительных реквизиционных продовольственных отрядах, действующих на железнодорожных и водных путях»⁶¹, «начальник отряда лично отвечает за порядок и дисциплину в отряде и за исполнение отрядом... предписаний. В случае нарушений, злоупотреблений, хищений и т.д. все виновные подлежат аресту и в случаях надобности привозу в Москву (в распоряжение Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией) для предания суду Революционного трибунала».

Во время гражданской войны всем учреждениям и организациям, а также военным и гражданским лицам запрещалось производить закупку заграничных товаров в прифронтовой полосе. Постановление СТО от 11 мая 1920 г. «О борьбе с контрабандной торговлей»⁶² предусматривало, что все, пытающиеся перейти линию фронта без надлежащего разрешения Народного комиссариата внутренних дел и Особого отдела ВЧК, должны признаваться шпионами, задерживаться и привлекаться к ответственности по законам военно-революционного времени. Ответственные руководители советских учреждений в случае выдачи ими разрешений на право приобретения импортных товаров считались пособниками в организации шпионажа.

Декретом СНК от 8 декабря 1921 г. «О борьбе с контрабандой»⁶³ на образованную при ВЧК Центральную комиссию по борьбе с контрабандой возлагалось «ближайшее наблюдение за деятельностью органов, охраняющих границу по борьбе с контрабандой, и принятие чрезвычайных мер в нужных случаях». Дела о контрабанде относились к подсудности революционных трибуналов.

Решению проблем с продовольствием в стране уголовно-правовыми средствами был посвящен Декрет СНК от 4 июля 1920 г. «О заградительных постах Народного комиссариата продовольствия и его местных органов»⁶⁴, согласно которому в целях охраны продовольственных и иных заготовок государства на железнодорожных, водных и шоссейных путях создавались заградительные посты из агентов продорганов для контроля и реквизиции провозимых продуктов продовольствия в ручном ба-

⁶¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 57.

⁶² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 43.

⁶³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 79.

⁶⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 63.

гаже, в вагонах и т.д. Виновные передавались в распоряжение Чрезвычайной комиссии как нарушившие требования советской власти.

Усиленная ответственность предусматривалась за преступления, совершаемые при выполнении так называемых продовольственных работ. Наказуемость деяний дифференцировалась в зависимости от «служебной категории» субъекта преступления. Постановлением НКЮ от 26 февраля 1921 г. «Об усиленной ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе»⁶⁵ выделялись три таких категории: 1) уполномоченные и агенты продорганов, занятые заготовками и продовольственным контролем на путях сообщения; 2) рабочие продовольственных отрядов; 3) воинские отряды, предоставляемые в распоряжение военного отдела Народного комиссариата продовольствия и его местных отрядов распоряжением штаба Красной Армии.

Совершенные ими преступления признавались, в частности, превышением власти, сопровождавшимся дискредитированием Советской власти и имевшим важные последствия.

В послевоенный период в законодательстве Советской России появилась такая мера воздействия, как лишение прав гражданства. Например, согласно Декрету ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. «О лишении права гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей»⁶⁶ такому воздействию подвергались лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против Советской власти, или участвовавшие в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях. В последующем она применялась в качестве средства борьбы власти с инакомыслием.

Коротко резюмируем изложенное.

Революционная законотворческая деятельность Советской власти полностью базировалась на ленинской концепции классовой борьбы, уголовно-правовые нормы об ответственности за посягательство на власть трансформировались в соответствии с формами указанной борьбы и вытекающими из этого задачами пролетариата, знаменовала собой слом буржуазного законодательства и строительство нового, социалистического права, отрицающая его преемственность.

Материал поступил в редакцию 07.11.11.

⁶⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 20.

⁶⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 1.